

(Неофициальный перевод)

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ЭРГАШЕВ против РОССИИ»

(Жалоба № 12106/09)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

20 декабря 2011 года

вступило в силу 4 июня 2012 года

Данное постановление вступило в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции.
Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Эргашев против России»

Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в составе:

Нина Вайич, Председатель,

Анатолий Ковлер,

Пер Лоренсен,

Элизабет Штайнер,

Ханлар Гаджиев

Мирьяна Лазарова Трайковска,

Юлия Лаффранк, судьи,

а также Сорен Нильсен, Секретарь Секции,

проведя закрытое заседание 29 ноября 2011 г.,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышнаназванный день:

ПРОЦЕДУРА

1 . Дело было инициировано на основании жалобы (№ 12106/09) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином Республики Узбекистан, Уринбоем Эргашевым (далее — «заявитель») 3 марта 2009 г.

2 . Интересы заявителя в Суде представляла О. Цейтлина, адвокат, практикующий в г. Санкт-Петербурге, при содействии юристов Европейского центра защиты прав человека (EHRAC)/правозащитного центра «Мемориал» — НПО, офисы которых находятся в г. Лондоне и г. Москве. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») были представлены в Суде Г. Матюшкиным, Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека,.

3 . Заявитель утверждает, что его содержание под стражей российскими властями в целях экстрадиции в Узбекистан, где он столкнулся бы с преследованием по политическим мотивам со стороны местных властей, привело к нарушениям его прав, предусмотренных статьями 3, 5 и пунктом 2 статьи 6 Конвенции.

4 . 22 июня 2010 г. Председатель Палаты, которой было передано дело, в интересах сторон и в целях надлежащего проведения разбирательства в Суде решил указать Властям Российской Федерации в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда, что заявителя не следует экстрадировать в Узбекистан до получения дополнительного уведомления.

5 . 1 сентября 2010 г. Председатель Первой Секции принял решение уведомить Власти о жалобе. Также Суд решил рассмотреть жалобу по существу одновременно с решением вопроса о ее приемлемости (пункт 1 статьи 29).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6 . Заявитель, 1957 года рождения, проживает в г. Санкт-Петербурге.

Обстоятельства дела

1. Информация, представленная заявителем

(а) Общие сведения

7 . В 1989 г. заявитель стал муллой в мечети населенного пункта Мамуробод, Узбекистан. В 1999 г. он окончил Институт иностранных языков г. Андижана, Узбекистан, по специальности «учитель арабского языка». С 1999 по 2007 гг. он не был официально трудоустроен, но давал консультации по религиозным вопросам и вопросам ислама, а также преподавал арабский язык и Коран.

8 . В мае 2007 г. заявитель переехал в Россию. 6 июня 2007 г. он был поставлен на миграционный учет в г. Санкт-Петербурге.

(б) Судопроизводство в Узбекистане

9 . 8 декабря 2007 г. следственное управление Министерства внутренних дел Республики Узбекистан по Андижанской области заочно (in absentia) обвинило заявителя в ряде преступлений, в том числе в принадлежности к экстремистской организации, в попытках свержения государственного конституционного строя и в распространении взглядов радикального экстремистского движения. Заявитель был объявлен в розыск, было вынесено постановление о его задержании.

10 . 25 сентября 2008 г. Генеральная прокуратура Республики Узбекистан направила в Генеральную прокуратуру Российской Федерации запрос об экстрадиции заявителя.

11 . 23 января 2009 г. Генеральная прокуратура Республики Узбекистан сообщила Генеральной прокуратуре Российской Федерации, что «...гарантирует, что преследование У. Эргашева будет осуществляется в строгом соответствии с законодательством Республики Узбекистан».

12 . 2 марта 2009 г. Андижанский городской суд санкционировал задержание заявителя. В решении не указывался предельный срок содержания заявителя под стражей.

(в) Судопроизводство в России

(i) Производство по делу об экстрадиции

13 . 1 сентября 2008 г. заявитель был задержан в г. Санкт-Петербурге на основании письма, полученного от властей Республики Узбекистан, и помещен в изолятор временного содержания.

14 . 22 июня 2009 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации вынесла постановление об экстрадиции заявителя. В тексте постановления указывалось следующее:

«...следственное управление УВД Андижанской области Республики Узбекистан расследует уголовное дело в отношении У. Эргашева...

Эргашева У. обвиняется в том, что в период с 22 мая 1999 г. по 2007 г., в Андижанской области Республики Узбекистан, будучи активным членом запрещенного религиозного экстремистского движения,... с целью насильственного изменения конституционного строя... он принимал активное участие в преступной деятельности сторонников религиозно-экстремистского движения... публично призывал к свержению конституционного строя Республики Узбекистан посредством „джихада“ (священной войны) и к созданию исламского государства...

... В соответствии с российским уголовным законодательством действия У. Эргашева являются наказуемыми и соответствуют части 1 статьи 280 (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), пункту «в» части 2 статьи 282 (возбуждение ненависти) и части 2 статьи 2822 (участие в экстремистской организации)

[1]

Уголовного кодекса Российской Федерации; данными статьями предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок более одного года. В соответствии с российским и узбекским законодательством сроки давности привлечения к уголовной ответственности не истекли...»

15 . Заявитель обжаловал постановление об экстрадиции в Санкт-Петербургский городской суд (далее — «городской суд»), указав, среди прочего, что он преследуется узбекскими властями по причине его политических и религиозных убеждений, и что в случае экстрадиции в Узбекистане он подвергнется жестокому обращению.

16 . 14 августа 2009 г. городской суд отменил постановление об экстрадиции, признав, что оно было вынесено преждевременно, то есть до рассмотрения ходатайства заявителя о предоставлении временного убежища. Суд также освободил заявителя из-под стражи.

17 . Прокуратура обжаловала определение городского суда в Верховный Суд Российской Федерации (далее — «Верховный Суд»). 30 сентября 2009 г. Верховный Суд отменил определение от 14 августа 2009 г. и направил дело на новое рассмотрение.

18 . 5 мая 2010 г. городской суд вновь рассмотрел жалобу заявителя и признал законным постановление об экстрадиции, сославшись, среди прочего, на гарантии Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан, согласно которым заявитель не будет подвергнут жестокому обращению в Узбекистане. Заявитель обжаловал это решение в Верховный Суд.

19 . 22 июня 2010 г. Европейский Суд по правам человека удовлетворил прошение заявителя о применении обеспечительных мер в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда с тем, чтобы приостановить его экстрадицию в Узбекистан.

20 . 7 июля 2010 г. Верховный Суд оставил без удовлетворения кассационную жалобу заявителя, постановление об экстрадиции вступило в силу.

(ii) Содержание заявителя под стражей с целью экстрадиции и его жалобы в этой связи

(a) Первый период содержания заявителя под стражей

21 . 1 сентября 2008 г. заявитель был задержан. 3 сентября 2008 г. Смольнинский районный суд г. Санкт-Петербурга (далее — «Смольнинский районный суд») санкционировал содержание заявителя под стражей на основании постановления о задержании, вынесенного узбекскими властями 8 декабря 2007 г. (см. выше пункт 12). В своем решении суд сослался на статью 108 Уголовно-процессуального кодекса (далее — «УПК»). В решении не указывался предельный срок содержания заявителя под стражей.

22 . 17 октября 2008 г. Смольнинский районный суд еще раз санкционировал содержание заявителя под стражей с целью экстрадиции, не установив соответствующего предельного срока. В своем решении суд сослался на статьи 108 и 466 УПК.

23 . 29 января 2009 г. заявитель обратился в Смольнинский районный суд с жалобой на незаконность своего содержания под стражей до экстрадиции. 2 февраля 2009 г. суд удовлетворил жалобу заявителя в полном объеме и освободил его из-под стражи. В постановлении суда, среди прочего, указывалось, что в нарушение статьи 109 УПК и статьи 5 Конвенции срок содержания заявителя под стражей был продлен не на основании постановлений суда и не был ограничен по продолжительности.

24 . Прокуратура обжаловала данное постановление. 12 февраля 2009 г., рассмотрев постановление от 2 февраля 2009 г. в кассационном порядке, Санкт-Петербургский городской суд оставил его без изменения и подтвердил незаконность содержания заявителя под стражей в указанный период.

(b) Второй период содержания заявителя под стражей

25 . 3 марта 2009 г. заявитель снова был задержан. 4 марта 2009 г. (в представленных документах также упоминается дата 6 марта 2009 г.) Центральная районная прокуратура г. Санкт-Петербурга (далее — «прокуратура») обратилась в Дзержинский районный суд г. Санкт-Петербурга (далее — «Дзержинский районный суд») с ходатайством о санкционировании содержания заявителя под стражей с целью последующей экстрадиции.

26 . 6 марта 2009 г. Дзержинский районный суд отказал в удовлетворении ходатайства прокуратуры, указав, что заявитель уже задерживался на тех же основаниях, и что органы следствия не доказали его намерение скрыться. Несмотря на данное решение, заявитель не был освобожден из-под стражи, поскольку в тот же день прокуратура распорядилась о содержании его под стражей на основании постановления о задержании, вынесенного Андижанским городским судом Республики Узбекистан 2 марта 2009 г.

27 . 18 марта 2009 г. (в некоторых из представленных документов указывается дата 10 марта 2009 г.) заявитель обратился с жалобой в Дзержинский районный суд, заявив, среди прочего, что в отсутствие постановления об экстрадиции содержание его под стражей было незаконным, что он уже содержался под стражей с целью экстрадиции в период с 1 сентября 2008 г. по 2 февраля 2009 г., и что его последующее содержание под стражей в период с 3 марта 2009 г. было незаконным, поскольку осуществлялось на тех же основаниях.

28 . 18 марта 2009 г. Дзержинский районный суд рассмотрел жалобу заявителя по статье 125 УПК (обжалование действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство) и отклонил ее, указав, что постановление прокуратуры о заключении под стражу от 6 марта 2009 г. является законным и обоснованным, поскольку оно было основано на постановлении о заключении под стражу, выданном Андижанским городским судом 2 марта 2009 г. Суд не рассматривал утверждение заявителя о том, что его содержание под стражей в период с 3 марта 2009 г. являлось противозаконным, поскольку осуществлялось на тех же основаниях, что и в период когда он содержался под стражей в период с 1 сентября 2008 г. по 2 февраля 2009 г.

29 . 8 мая 2009 г. городской суд, рассмотрев постановление от 18 марта 2009 г. в кассационном порядке, оставил его без изменения. Суд также не рассматривал утверждение заявителя о применении одних и тех же оснований для продления срока содержания под стражей.

30 . 13 мая 2009 г. заявитель снова обратился с жалобой в Дзержинский районный суд, указав, что содержание его под стражей является незаконным и избыточным, поскольку предельный двухмесячный срок содержания под стражей истек, а последующее содержание его под стражей российскими судами не санкционировалось.

31 . 27 мая 2009 г. Дзержинский районный суд удовлетворил жалобу заявителя и признал срок содержания его под стражей чрезмерным. Однако заявитель остался под стражей. Заявитель обжаловал данное постановление.

32 . 3 августа 2009 г., рассмотрев постановление от 27 мая 2009 г. в кассационном порядке, городской суд отменил его и направил дело на новое рассмотрение. Заявитель остался под стражей.

33 . 25 августа 2009 г. Дзержинский районный суд вновь удовлетворил жалобу заявителя от 13 мая 2009 г.. Суд указал, что содержание заявителя под стражей в период с 7 мая 2009 г. было незаконным, поскольку национальные суды не продлили его срок должным образом. Суд предписал освободить заявителя из-под стражи, хотя фактически он был освобожден 14 августа 2009 г. в соответствии с решением городского суда (см. выше пункт 16). Прокуратура обжаловала данное постановление. 27 октября 2009 г., рассмотрев постановление от 25 августа 2009 г. в кассационном порядке, городской суд оставил его без изменений.

(g) Последующие события

34 . 6 сентября 2010 г. заявитель был задержан Национальным бюро Интерпола по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области и доставлен в Выборгский районный отдел внутренних дел г. Санкт-Петербурга (Выборгский РОВД), где он содержался под стражей с 11:35 до 17:30, пока не был отпущен под подписку о явке в Выборгскую районную прокуратуру.

35 . 8 сентября 2010 г./ Выборгская районная прокуратура поместила заявителя под домашний арест «до экстрадиции в Узбекистан».

(iii) Условия содержания заявителя под стражей и условия его транспортировки

(a) Условия содержания заявителя под стражей в период с 3 по 7 марта 2009 года

36 . 3 марта 2009 г., около 10:30, заявитель был задержан в здании Дзержинского районного суда (см. выше пункт 25). Он был доставлен в отдел милиции (78-й отдел милиции ОВД по г. Санкт-Петербургу), где он содержался до 13:00 7 марта 2009 г.

37 . В течение этих четырех дней заявитель содержался в камере для административно задержанных. Условия содержания его под стражей были следующими: в камере площадью 6 кв.м имелось маленькое окно; в ней не было вентиляции; не было кровати и туалета; заявитель спал на узкой деревянной скамье, предназначенной для сидения; на протяжении всего срока заключения он не получал еду и питье; пользоваться туалетом на прилегающей территории ему позволялось только с разрешения сотрудников милиции. Заявителю приходилось брать питьевую воду из туалета.

(b) Условия содержания заявителя под стражей в период с 7 марта по 14 августа 2009 г.

38 . 7 марта 2009 г., около 13:00, заявитель был переведен из отдела милиции в следственный изолятор ИЗ-47/4 г. Санкт-Петербурга.

39 . В период с 7 по 11 марта 2009 г. заявитель содержался в камере № 82 площадью 18 кв. м. вместе с десятью другими лицами. В камере имелись нары, рассчитанные только на восемь человек, поэтому заявителю приходилось спать на полу. Ни стола, ни горячей воды в камере не было. Заявителю не были предоставлены надлежащие постельные принадлежности. Его

личное пространство составляло 1,6 кв.м. Заключение постоянно курили в камере, что негативно сказывалось на здоровье заявителя. 11 марта 2009 г. заявителю было позволено принять пятиминутный душ — впервые после его задержания 3 марта 2009 г.

40 . 12 марта 2009 г. заявитель был переведен в камеру № 130/2 (камеру для больных туберкулезом), поскольку было установлено, что он страдает туберкулезом. Площадь камеры составляла около 30 кв. м., в ней имелись нары, рассчитанные на пятнадцать человек. В период с 12 по 15 марта 2009 г. в ней содержалось семь заключенных; в период с 16 по 18 марта — одиннадцать заключенных; в период с 19 по 28 марта — двенадцать; в период с 5 по 17 мая — тринадцать; 18 мая — девять; 19 мая — десять; в период с 20 по 25 мая — одиннадцать. В зависимости от количества сокамерников размер личного пространства заявителя варьировался от 4,6 до 2,5 кв.м. Стол в камере располагался в нескольких метрах от туалета; дезинфицирующие средства для его мытья не предоставлялись. Заключенным приходилось стирать свое белье в камере, используя таз. Заключенные содержались вместе в одной камере вне зависимости от того, насколько тяжелым было состояние их здоровья, и, на то, насколько заразны они были.

41 . 29 марта 2009 г. заявитель был переведен в камеру № 130/3 площадью около 32 кв.м., в которой имелись нары на четырнадцать мест, и размещалось от восьми до двенадцати других заключенных. В период с 29 по 31 марта в ней содержалось двенадцать заключенных; в период с 1 по 8 апреля — одиннадцать; в период с 9 по 13 апреля — двенадцать; в период с 14 по 19 апреля — девять; в период с 20 по 28 апреля — десять; 29 и 30 апреля — двенадцать; в период с 1 по 4 мая — тринадцать. В зависимости от количества сокамерников размер личного пространства заявителя варьировался от 3,6 до 2,5 кв.м. 5 мая 2009 года заявитель был переведен обратно в камеру № 130/2.

42 . 25 мая 2009 г. заявитель был переведен в камеру № 158 площадью 20,3 кв. м., в которой имелись нары на двенадцать мест. 25 мая в ней содержалось двенадцать заключенных; 26 мая — одиннадцать; 27 мая — десять; в период с 28 мая по 9 июня — двенадцать. В зависимости от количества сокамерников размер личного пространства заявителя варьировался от 2 до 1,7 кв.м. 9 июня 2009 г. заявитель был переведен в другую камеру.

43 . 10 июня 2009 г. заявитель был помещен в камеру № 160 площадью 20,9 кв. м., в которой имелись нары на восемь мест. В период с 9 июня по 14 августа 2009 г. в камере содержалось от семи до восьми заключенных. Размер личного пространства заявителя составлял менее 3 кв.м. Кроме того, заключенные курили прямо в камере, что негативно сказывалось на здоровье заявителя, поскольку камера должным образом не вентилировалась.

44 . Заявитель подкрепил свое описание условий содержания под стражей в следственном изоляторе следующими документами: свидетельскими показаниями К. Петрова, который содержался вместе с заявителем в камере № 82, от 16 февраля 2011 г.; свидетельскими показаниями З. Эльмуратова, который содержался вместе с заявителем в камерах № 130/2 и № 149, от 16 февраля 2011 г.; свидетельскими показаниями Е. Поляковой, руководителя правозащитной неправительственной организации, которая наблюдала за условиями содержания под стражей в следственном изоляторе ИЗ 47/4, от 8 февраля 2011 г.; и рядом фотографий камер, в которых содержался заявитель.

(g) Условия транспортировки заявителя в здание суда и условия содержания его под стражей в здании суда

45 . Несколько раз в период с 4 по 29 марта 2009 г. на заявителя надевали наручники и отвозили его в Дзержинский районный суд на грузовом автомобиле для перевозки заключенных (Автозаке). Автомобиль был оснащен тремя камерами площадью 1,5 м × 3 м; в каждой камере содержалось десять заключенных, которые перевозились в тесноте.

46 . По прибытии в здание суда заявитель на несколько часов помещался в камеру площадью 12 кв. м. без окон и вентиляции, в которой имелась узкая скамейка. Обычно он содержался в ней вместе с двумя другими мужчинами. В здании суда он не получал ни еды, ни питья.

(d) Жалобы заявителя на условия содержания под стражей и на неоказание медицинской помощи

47 . 18 марта 2009 г. заявитель обратился в Дзержинский районный суд с жалобой; среди прочего, он утверждал, что условия содержания его под стражей являются ненадлежащими (см. выше пункт 27).

48 . В постановлении от 18 марта 2009 г. Дзержинский районный суд не рассмотрел жалобу заявителя на условия содержания под стражей. Заявитель не поднимал вопрос об условиях содержания под стражей в кассационной жалобе, поскольку считал, что кассационная жалоба будет неэффективной.

49 . Согласно представленным документам, заявитель не обращался за медицинской помощью, находясь в следственном изоляторе ИЗ-47/4, и не жаловался тюремной администрации на неоказание такой помощи.

(iv) Ходатайства заявителя о предоставлении ему статуса беженца и временного убежища

50 . 20 октября 2008 г. заявитель обратился в Управление Федеральной миграционной службы (далее — «УФМС») по г. Санкт-Петербургу с заявлением о получении статуса беженца в Российской Федерации, сославшись на преследование по политическим мотивам в Узбекистане и угрозу жестокого обращения.

51 . 22 декабря 2008 г. УФМС отказала в удовлетворении заявления, указав, что в его основе лежит попытка избежать законного уголовного преследования в Узбекистане, и что его утверждения об угрозе подвергнуться там жестокому обращению необоснованны. Заявитель был уведомлен об отказе 22 января 2009 г.

52 . 4 марта 2009 г. (в некоторых представленных документах указывается дата 4 апреля 2009 г.) Дзержинский районный суд оставил решение УФМС об отказе в предоставлении заявителю статуса беженца без изменения. Заявитель не обжаловал данное решение, таким образом, решение от 22 декабря 2008 г. вступило в силу.

53 . 8 апреля 2009 г. (в представленных документах иногда указывается дата 27 апреля 2009 г.) заявитель обратился в УФМС с ходатайством о предоставлении временного убежища в Российской Федерации.

54 . 6 мая 2009 г. УФМС отказало в удовлетворении его ходатайства. Заявитель обжаловал данный отказ в ФМС России.

55 . 6 августа 2009 г. ФМС России отменила решение от 6 мая 2009 года и вернула ходатайство заявителя на новое рассмотрение.

56 . 11 ноября 2009 г. ФМС вновь отказала в удовлетворении ходатайства заявителя о предоставлении ему временного убежища. Заявитель обжаловал данное решение в ФМС России.

57 . 23 февраля 2010 г. (в представленных документах иногда указывается дата 28 февраля 2010 г.) ФМС России отменила решение от 11 ноября 2009 г. и повторно вернула ходатайство заявителя на новое рассмотрение.

58 . 30 апреля 2010 г. ФМС в третий раз отказала в удовлетворении ходатайства заявителя о предоставлении ему временного убежища.

59 . 24 мая 2010 г. заявитель вновь обжаловал отказ в ФМС России. 30 августа 2010 г. ФМС России отменила решение от 30 апреля 2010 г. и повторно вернула ходатайство заявителя на новое рассмотрение.

60 . 16 декабря 2010 г. ФМС в четвертый раз отказала в удовлетворении ходатайства заявителя о предоставлении ему временного убежища. Заявитель обжаловал данный отказ в ФМС России. По всей видимости, разбирательство по этому вопросу еще не завершено.

(v) Телевизионные выпуски новостей от 3 марта 2009 г.

61 . 3 марта 2009 г., в 18:00 и 23:00, российский телеканал НТВ показал очередной выпуск новостей в г. Санкт-Петербурге. В новостных репортажах со ссылкой на пресс-службу Главного управления внутренних дел по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (ГУВД) показывались фотографии заявителя в анфас и профиль, а также сообщалась следующая информация:

Диктор: «...сегодня сотрудники Интерпола задержали в центре города террориста из Узбекистана, работавшего в Санкт-Петербурге водителем КамАЗа. Лидер ваххабитского религиозно- экстремистского движения приехал в Санкт-Петербург два года назад и с того момента работал на разных предприятиях водителем. Окончив институт иностранных языков, в Узбекистане он работал муллой. 52-летний Уринбой Эргашев разыскивался властями в течение двух лет; его обвиняют в совершении ряда тяжких преступлений, в том числе в терроризме...»

Диктор: «Д. Р., заместитель начальника филиала Национального бюро Интерпола по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, сообщил...»

Д. Р.: «...изучив идеи экстремистского политического движения... [заявитель] создал группу „Халка“ для пропаганды идей ваххабитского движения, изменения существующего

государственного строя Республики Узбекистан, захвата власти и отстранения законно избранных представителей государства...»

Диктор: «...правоохранительные органы предполагают, что группа, возглавляемая Эргашевым, планировала создать в Ферганской долине исламское государство; она финансировалась иностранными афганскими и пакистанскими организациями, запрещенными в Узбекистане. В настоящее время задержанный... находится под стражей, и после оформления необходимых документов он будет выслан на родину, где его ожидает суд...»

2. Доводы Властей по поводу указанных фактов

(а) Условия содержания заявителя под стражей в период с 3 по 7 марта 2009 г. в 78-м отделе милиции ОВД по г. Санкт-Петербургу

62 . Заявитель содержался в 78-м отделе милиции ОВД по г. Санкт-Петербургу с 3 марта 2009 г. (с 10:30) по 7 марта 2009 г. (точное время не указано).

63 . Заявитель содержался в камере для административно задержанных площадью 3–3,2 кв. м, которая не была оборудована для сна, поэтому постельного белья не выдавалось. Заявителю позволялось использовать туалет на прилегающей территории отдела с разрешения сотрудников милиции. В туалет была подведена холодная вода. Душевых не было. Камера заявителя проветривалась сотрудниками милиции два раза в день. Администрация учреждения не выдавала заявителю питание, но сотрудники милиции позволяли его родственникам приносить ему еду и питье.

(б) Условия транспортировки заявителя в здание суда

64 . Заявителя перевозили из места заключения в здание суда трижды — 17 и 18 марта и 27 мая 2009 г. — в специально оборудованных автомобилях ГАЗ-3307 и ГАЗ-32594. В автомобилях имелось двадцать шесть посадочных мест, которые были распределены между двумя общими камерами и одной одиночной.

65 . 17 марта 2009 г. заявитель был доставлен на том же автомобиле вместе с двадцатью тремя другими задержанными; 18 марта 2009 г. — с двенадцатью, а 27 мая 2009 г. — с десятью.

66 . Каждый раз заявителю выдавался дневной паек, согласно соответствующим правилам.

(в) Условия содержания заявителя под стражей в следственном изоляторе ИЗ-47/4 в г. Санкт-Петербурге

67 . С 7 марта по 14 августа 2009 г. заявитель содержался в семи разных камерах; в каждой камере количество заключенных соответствовало количеству мест на нарах, поэтому у заявителя было отдельное спальное место. Ему выдавались постельное белье и столовые приборы. Заявитель содержался под стражей:

-

с 7 по 11 марта 2009 г. — в камере № 82 площадью 18,1 кв. м. вместе с тремя другими заключенными (вместимость камеры: четыре человека);

-

с 11 по 30 марта 2009 г. — в камере № 130/2 площадью 32,3 кв.м. вместе с семью другими заключенными (вместимость камеры: восемь человек);

-

с 30 марта по 5 мая 2009 г. — в камере № 130/3 площадью 32,2 кв.м. вместе с семью другими заключенными (вместимость камеры: восемь человек);

-

с 5 по 25 мая 2009 г. — в камере № 149 площадью 20,3 кв.м. вместе с четырьмя другими заключенными (вместимость камеры: пять человек);

-

с 25 мая по 9 июня 2009 г. — в камере № 158 площадью 20,3 кв.м. вместе с четырьмя другими заключенными (вместимость камеры: пять человек);

-

с 9 по 10 июня 2009 г. — в камере № 163 площадью 9,8 кв.м. вместе с одним заключенным (вместимость камеры: два человека);

-

с 10 июня по 14 августа 2009 г. — в камере № 160 площадью 20,9 кв. м. вместе с четырьмя другими заключенными (вместимость камеры: пять человек);

68 . Власти подкрепили свое описание размера личного пространства, предоставленного заявителю в следственном изоляторе, низкокачественными копиями нескольких страниц из регистрационного журнала «О переводах заключенных в другие камеры» за период с февраля 2009 г. по февраль 2010 г. Данный документ не содержал исчерпывающей информации, а приведенные в нем таблицы чисел не содержали имен или иной информации о содержащихся под стражей. Власти также представили ряд показаний сотрудников следственного изолятора, в которых они подтвердили количество мест на нарах в каждой из тех камер, в которых содержался заявитель. Данные показания не содержали информации о

фактическом количестве заключенных, содержащихся в каждой камере, и в них не упоминалось о том, превышало ли количество заключенных вместимость камеры в указанный период.

69 . По утверждению Властей, санитарно-гигиенические условия всех камер соответствовали установленным нормам. Медицинский персонал следственного изолятора проводил ежедневные проверки санитарного состояния всех камер и проводил их дезинфекцию с предписанной периодичностью. Вентиляция находилась в рабочем состоянии во всех камерах; в каждой камере имелся резервуар с холодной водой. Заключенные могли получить горячую воду по запросу; также им позволялось использовать электрические чайники. Заявителю позволялось еженедельно принимать пятнадцатиминутный душ; его постельное белье менялось раз в неделю. Белье заключенных собиралось для стирки раз в неделю; также заключенным позволялось стирать свое белье в пластиковых ведрах, выданных администрацией.

70 . Согласно копиям документов, прилагавшимся к доводам Властей, в период с 11 марта по 25 мая 2009 г. заявитель содержался в туберкулезном отделении следственного изолятора в целях лечения данного заболевания.

(г) Содержание заявителя под стражей до экстрадиции

71 . По утверждению Властей, содержание заявителя под стражей осуществлялось на основании частей 1 и 2 статьи 466 УПК.

72 . 3 сентября 2008 г. Смольнинский районный суд санкционировал содержание заявителя под стражей на период с 1 сентября 2008 г. по 2 февраля 2009 г.

73 . 17 октября 2008 г. Смольнинский районный суд вновь санкционировал содержание заявителя под стражей с целью экстрадиции.

74 . По утверждению Властей, 4 марта 2009 года Дзержинский районный суд санкционировал содержание заявителя под стражей. Однако, согласно представленным документам, в действительности 6 марта 2009 г. районный суд отказал в удовлетворении ходатайства о продлении срока содержания заявителя под стражей (см. пункт 26).

75 . 6 марта 2009 г. Центральная районная прокуратура г. Санкт-Петербурга задержала заявителя на основании постановления о заключении под стражу, вынесенного Андижанским городским судом 2 марта 2009 г.

(д) Выпуски новостей от 3 марта 2009 г

76 . В своих замечаниях от 17 января 2011 года Власти утверждали, что текст телепередачи был подготовлен на основе официального заявления Национального бюро Интерпола по г. Санкт-Петербургу и на основании постановления о международном розыске, выданного в отношении заявителя. В передаче говорилось, что заявитель обвиняется узбекскими властями в совершении тяжких преступлений, а не то, что он в них виновен. Правоохранительные органы всего лишь подозревали заявителя в том, что он преследует экстремистские цели. Выражение «террорист из Узбекистана» было использовано тележурналистами; в официальном информационном сообщении Национального бюро Интерпола по г. Санкт-Петербургу оно не употреблялось.

II. ПРИМЕНИМЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

A. Содержание под стражей до экстрадиции и судебный контроль за содержанием под стражей

1. Конституция Российской Федерации

77 . Конституция гарантирует право на свободу (статья 22):

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов».

2. Европейская конвенция о выдаче

78 . Статья 16 Европейской конвенции о выдаче от 13 декабря 1957 г. (СДСЕ № 024), участником которой является Российская Федерация, предусматривает следующее:

«1. В случае, не терпящем отлагательства, компетентные органы запрашивающей Стороны могут обратиться с просьбой о временном задержании разыскиваемого лица. Компетентные органы запрашиваемой Стороны принимают решение по данному вопросу в соответствии с ее законом.

...4. Временное задержание может быть отменено, если в течение 18 дней после задержания запрашиваемая Сторона не получила просьбу о выдаче и документов, упомянутых в статье 12. В любом случае этот период не превышает 40 дней с даты такого задержания. Возможность временного освобождения в любое время не исключается, однако запрашиваемая Сторона принимает любые меры, которые она считает необходимыми, для предотвращения побега разыскиваемого лица».

3. Минская конвенция 1993 г.

79 . Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская конвенция 1993 года), участниками которой являются Россия и Узбекистан, предусматривает, что к требованию о выдаче должно прилагаться постановление о заключении под стражу (часть 2 статьи 58).

80 . Лицо, выдача которого требуется, может быть задержано до получения требования о выдаче. В таких случаях должен быть получен специальный запрос о задержании, в котором должна содержаться ссылка на постановление о заключении под стражу и указание на то, что требование о выдаче будет представлено дополнительно. Лицо может быть задержано и без такого запроса, если имеются основания подозревать, что оно совершило на территории другой Договаривающейся Стороны преступление, влекущее за собой выдачу. О задержании необходимо незамедлительно уведомить Договаривающуюся Сторону (статья 61).

81 . Лицо, взятое под стражу на основании статьи 61, должно быть освобождено, если требование о выдаче не поступит в течение сорока дней со дня взятия под стражу (часть 1 статьи 62).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

82 . В Уголовно-процессуальном кодексе («УПК») 2002 г. термин «суд» определяется как «любой суд общей юрисдикции, рассматривающий уголовное дело по существу и выносящий решения, предусмотренные настоящим Кодексом» (часть 48 статьи 5). Термин «судья» определяется в УПК как «должностное лицо, уполномоченное осуществлять правосудие» (часть 54 статьи 5).

83 . Районный суд уполномочен рассматривать уголовные дела обо всех преступлениях, за исключением уголовных дел, подсудных мировому судье, областному суду и Верховному Суду Российской Федерации (часть 2 статьи 31).

84 . Глава 13 УПК («Меры пресечения») регламентирует использование мер пресечения, включающих, в частности, заключение под стражу. Заключение под стражу является мерой пресечения, применяемой по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, при невозможности применения более мягкой меры пресечения (часть 1 статьи 108). Ходатайство о заключении под стражу подлежит рассмотрению судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня (часть 4 статьи 108). Постановление судьи о заключении под стражу может быть обжаловано в кассационный суд в течение 3 суток (часть 11 статьи 108). Срок содержания под стражей при расследовании преступлений не может превышать 2 месяца (часть 1 статьи 109), но он может быть продлен судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня на срок до 6 месяцев (часть 2 статьи 109). Дальнейшее продление срока может быть осуществлено только в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких или особо тяжких преступлений (часть 3 статьи 109).

85 . Глава 16 («Обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство») предусматривает судебный контроль за решениями и действиями или бездействием следователя и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства (часть 1 статьи 125). Суд должен рассмотреть жалобу в течение пяти суток со дня ее поступления.

86 . Глава 54 («Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора») регламентирует процедуры выдачи. При получении запроса о выдаче, к которому не прилагается постановление о задержании, вынесенного судом иностранного государства, прокурор должен принять решение о мере пресечения, которую следует применить к лицу, выдача которого запрашивается. Такая мера должна применяться в соответствии с установленным порядком (часть 1 статьи 466). При получении запроса о выдаче, к которому прилагается ордер на арест, выданный судебным органом иностранного государства,

прокурор вправе поместить лицо, выдача которого запрашивается, под домашний арест или заключить его под стражу без предварительного подтверждения такого решения судом Российской Федерации (часть 2 статьи 466).

87 . Решение о выдаче, принятое Генеральным прокурором, может быть оспорено в суде. Вопросы виновности или невиновности не подлежат судебному рассмотрению, которое ограничивается проверкой соответствия решения о выдаче данного лица порядку, изложенному в соответствующем международном и внутреннем законодательстве (части 1 и 6 статьи 463).

5. Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации

88 . Гражданин вправе оспорить в суде решение, действие (бездействие) органа государственной власти или должностного лица, в результате которых могут быть нарушены права и свободы гражданина, созданы препятствия к осуществлению гражданином его прав и свобод; на гражданина незаконно возложена какая-либо обязанность, или он незаконно привлечен к ответственности (часть 1 ст. 254 и ст. 255). Если суд признает заявление обоснованным, он должен принять решение об обязанности соответствующего органа государственной власти или должностного лица устранить допущенное нарушение или препятствие к осуществлению гражданином рассматриваемых прав и свобод (часть 1 статьи 258).

6. Прецедентная практика Конституционного Суда Российской Федерации

(а) Определение Конституционного Суда № 292-О от 15 июля 2003 г.

89 . 15 июля 2003 г Конституционный Суд вынес определение № 292-О по жалобе заявителя Худоерова на продление «срока содержания его под стражей во время суда» «постфактум» (expostfacto) постановлением Владимирского областного суда. Он постановил следующее:

«Часть третья статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает, что суд, в производстве которого находится уголовное дело... по истечении шести месяцев со дня поступления уголовного дела в суд вправе продлить срок содержания подсудимого под стражей не более чем на три месяца каждый раз, и не включает положений, которые бы предусматривали возможность принятия судом решения о продлении срока содержания обвиняемого под стражей уже после истечения ранее установленного срока и тем

самым допускали бы содержание лица под стражей в течение определенного периода времени без судебного решения. Не предусматривается такая возможность и другими нормами уголовно-процессуального законодательства. Более того, часть вторая статьи 10 и часть четвертая статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации прямо предписывают суду, прокурору, следователю... немедленно освободить всякого незаконно содержащегося под стражей свыше срока, установленного данным Кодексом. Это вытекает из положений пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции о защите прав человека... являющейся в соответствии со статьей 15, часть 4, Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации...»

(б) Определение Конституционного Суда № 101-О от 4 апреля 2006 г.

90 . Конституционный Суд рассмотрел вопрос о соответствии пункта 1 статьи 446 УПК РФ Конституции Российской Федерации и вновь подтвердил свою устоявшуюся прецедентную практику по данному вопросу, согласно которой чрезмерное или необоснованное содержание под стражей, не ограниченное по времени, при отсутствии соответствующего пересмотра во всех случаях, включая процедуру экстрадиции, не совместимо со статьей 22 Конституции Российской Федерации, а также с пунктом 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

91 . По мнению Конституционного Суда, гарантии права на свободу и личную неприкосновенность, установленные в статье 22 и главе 2 Конституции, и правовые нормы о мерах пресечения, изложенные в главе 13 УПК, полностью применимы к содержанию под стражей в целях экстрадиции. Соответственно, статья 466 УПК РФ не позволяет властям применять меру пресечения в виде содержания под стражей без соблюдения процедуры, установленной в УПК, либо с превышением установленных в УПК предельных сроков.

(в) Определение Конституционного Суда № 158-О от 11 июля 2006 г. по ходатайству Генеральной прокуратуры о разъяснении

92 . Генеральный прокурор обратился в Конституционный Суд за официальным разъяснением постановления № 101-О от 4 апреля 2006 г. (см. выше), в частности, в целях прояснения порядка продления срока содержания лица под стражей с целью экстрадиции.

93 . Конституционный Суд отказал в рассмотрении запроса на том основании, что он не наделен компетенцией по разъяснению специфических норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих порядок и сроки содержания лица под стражей с целью экстрадиции. Этот вопрос находился в компетенции судов общей юрисдикции.

(г) Определение Конституционного Суда № 333-О-П от 1 марта 2007 г.

94 . В данном определении Конституционный Суд напомнил, что статья 466 УПК не предполагает, что содержание лица под стражей на основании запроса об экстрадиции не должно соответствовать условиям и срокам, предусмотренным в уголовно-процессуальном законодательстве.

(д) Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 22 от 29 октября 2009 г.

95 . В своем Постановлении Верховный Суд повторил, что задержание и содержание под стражей лица с целью его экстрадиции на основании статьи 466 УПК РФ должно соответствовать требованиям статьи 108 УПК РФ, и что срок содержания под стражей до экстрадиции может быть продлен только в соответствии с требованиями статьи 109 УПК РФ.

7. Условия содержания под стражей в следственных изоляторах

96 . Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» 1995 г. (в последней редакции) предусматривает, что заключенные должны содержаться в условиях, отвечающих требованиям гигиены и санитарии. Им предоставляется индивидуальное спальное место, выдаются постельные принадлежности, посуда, столовые приборы, и туалетные принадлежности. Каждый заключенный должен располагать не менее чем 4 кв.м. личного пространства в камере (статья 23). Закон также предусматривает, что заключенные имеют право на медицинскую помощь (статья 17). При ухудшении состояния здоровья заключенного медицинские работники следственного изолятора должны безотлагательно провести его медицинское освидетельствование и сообщить ему о результатах освидетельствования в письменной форме. Если администрация учреждения отказывается в проведении такого освидетельствования, ее отказ может быть обжалован прокурору либо в суд. В случае тяжелого заболевания заключенного администрация следственного изолятора обязана незамедлительно сообщить об этом прокурору, который может провести проверку по данному факту (статья 24).

Б. Применимые документы, касающиеся использования дипломатических заверений и ситуации в Узбекистане

97 . Европейский комитет по предотвращению пыток (далее — «ЕКПП») в 15-ом Общем докладе о своей деятельности от 22 сентября 2005 г., охватывающем период с 1 августа 2004 года по 31 июля 2005 года, выразил озабоченность по поводу использования дипломатических заверений в свете абсолютного запрещения пыток:

«38. В предисловии содержалась ссылка на потенциальное противоречие между обязательством государства по защите своих граждан от террористических актов, и необходимостью соблюдения основных ценностей. Данное обстоятельство наглядно выражается существующим противоречием в отношении применения „дипломатических заверений“ в контексте процедур депортации. Запрет на пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение включает обязательство не направлять лицо в страну, в отношении которой имеются убедительные основания полагать, что на ее территории для лица возникнет реальная угроза подвергнуться вышеуказанному обращению. Для того, чтобы в подобных ситуациях избежать названной угрозы, ряд государств избрали путь получения от страны назначения заверений о том, что соответствующее лицо ненадлежащему обращению подвергнуто не будет. Такая практика не нова, но оказалась в центре внимания именно в последние годы, с ростом интереса государств к перемещению со своей территории лиц, считающихся представляющими опасность для государственной безопасности. Растет озабоченность тем, что применение дипломатических заверений фактически является обходом запрета на пытки и жестокое обращение.

39. Запрос дипломатических заверений от стран с общей негативной историей применения пыток и жестокого обращения вызывает особое беспокойство. Из вышеуказанной истории не обязательно следует, что именно конкретное лицо, в отношении которого рассматривается вопрос о депортации, лично сталкивается с реальной угрозой подвергнуться жестокому обращению в соответствующем государстве; при принятии решения необходимо учитывать конкретные обстоятельства каждого дела. Однако при наличии реальной угрозы жестокого обращения, могут ли дипломатические заверения, полученные от властей страны, на территории которой широко распространены пытки и жестокое обращение, являться достаточной защитой от указанной опасности? С достаточной убедительностью возможно утверждать, что даже если предположить, что указанные власти действительно осуществляют эффективный контроль за органами, которые могут взять соответствующее лицо под стражу (что не всегда имеет место), никаких гарантий фактического соблюдения дипломатических заверений не существует. Если указанные страны не исполняют свои обязательства в рамках ратифицированных ими международных соглашений по правам человека, то логично поставить вопрос, какие существуют причины для уверенности в соблюдении ими заверений, предоставленных на двусторонней основе по конкретному делу?

40. В качестве ответа утверждалось, что возможно выработать механизмы контроля обращения с депортированным лицом в случае его заключения под стражу после его возврата в страну назначения. При том, что ЕКПП не имеет предубеждений по данному вопросу, убедительным предложением по созданию эффективного и работающего механизма только предстоит появиться. Чтобы иметь какие-либо шансы на эффективность, такой механизм определенно должен включать в себя ряд важнейших гарантий, в том числе право независимых и обладающих соответствующей квалификацией лиц посещать соответствующих переданных получающему государству граждан в любое время, без предварительного уведомления, и опрашивать их наедине в месте по их собственному выбору. Механизм также должен включать в себя средства обеспечения немедленных действий по устранению или компенсации нарушений в случае выявления несоблюдения предоставленных заверений».

98 . Резолюция № 62/148, принятая Генеральной Ассамблеей Организации объединенных наций (ООН) 18 декабря 2007 г. («Пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания» (UN Doc.:A/RES/62/148)), гласит:

«Генеральная Ассамблея...

12. настоятельно призывает государства не высылать, не возвращать (refouler), не выдавать или любым иным образом не передавать какое-либо лицо другому государству, если существуют веские основания полагать, что этому лицу угрожала бы опасность подвергнуться пыткам, подчеркивая важность эффективных правовых и процессуальных гарантий в этом отношении и признает, что наличие дипломатических заверений не освобождает государства от их обязательств по международному «праву прав человека», международному гуманитарному праву и праву, регламентирующему правовое положение беженцев, в частности, в отношении принципа отказа от принудительного возвращения (non-refoulement)...»

99 . В своем промежуточном докладе, представленном в соответствии с резолюцией Ассамблеи 59/182 (UN Doc: A/60/316, 30 августа 2005 г.), Специальный докладчик Комиссии по правам человека по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания Манфред Новак пришел к следующим выводам:

«51. По мнению Специального докладчика, дипломатические заверения являются ненадежной и неэффективной защитой от пыток и жестокого обращения: такие заверения обычно запрашиваются от государств, на территории которых пытки применяются систематически; как показала практика, механизмы наблюдения за лицами после их возвращения запрашивающей

стране гарантией неприменения пыток не являются; дипломатические заверения юридической силы не имеют, то есть в случае их нарушения никаких юридических последствий и ответственности не наступает; кроме того, лицо, для защиты которого предназначены заверения, в случае нарушения последних не располагает средствами для пресечения или компенсации нарушения. Таким образом, Специальный докладчик полагает, что государства не должны использовать дипломатические заверения в качестве гарантии неприменения пыток и жестокого обращения в тех случаях, когда имеются существенные основания полагать, что по возвращению в запрашивающую страну лицо будет находиться в опасности подвергнуться пыткам или жестокому обращению.

52. Специальный докладчик призывает власти государств добросовестно соблюдать принцип отказа от принудительного возвращения (non-refoulement) и не выдворять лиц на границы или на территории, в пределах которых они могут подвергнуться риску нарушения прав человека, вне зависимости от того, имеют ли они официальный статус беженцев».

100 . Ссылаясь, в частности, на ситуацию с пытками в Узбекистане и возвращение к пыткам, несмотря на дипломатические заверения узбекских властей по этому вопросу, Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках заявил на Второй сессии Совета ООН по правам человека 20 сентября 2006 г.:

«Применение пыток на территории Узбекистана, как следует из доклада моего предшественника Тео ван Бовена по результатам визита в страну в 2002 г., является систематическим. В подтверждение его вывода, находясь на данной должности, я продолжаю получать серьезные обвинения в пытках со стороны узбекских правоохранительных органов... Кроме того, в отношении событий в мае 2005 г. в Андижане Комиссар ООН по Правам Человека сообщил о наличии большого количества убедительных, последовательных и заслуживающих доверия свидетельств о совершении военнослужащими и сотрудниками служб безопасности Узбекистана серьезных нарушений прав человека. Тот факт, что власти страны запретили проведение международной проверки событий в Андижане и независимую экспертизу проводившихся органами власти соответствующих расследований, а также факт отсутствия признаваемой международным сообществом версии событий, вызывают серьезную обеспокоенность. Учитывая столь значительные, серьезные и достоверные доказательства систематического применения пыток со стороны должностных лиц правоохранительных органов Узбекистана, я продолжаю рекомендовать властям государств воздерживаться от передачи лиц Узбекистану. Запрет пыток является абсолютным, при этом государства путем передачи лиц странам, на территории которых для них возникает опасности подвергнуться пыткам, рискуют нарушить данный запрет и свои обязательства в рамках международного права. Я подчеркиваю, что дипломатические заверения не имеют юридической силы, подрывают действующие обязательства стран по запрету пыток, а также являются неэффективными и ненадежными в плане обеспечения защиты возвращаемых лиц, соответственно, государствами применению не подлежат».

101 . Ссылаясь далее на ситуацию с применением пыток в Узбекистане, Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках заявил на Третьей сессии Совета ООН по правам человека 18 сентября 2008 г. следующее:

«741. Специальный докладчик... подчеркнул, что он продолжает получать серьезные обвинения в применении пыток должностными лицами правоохранительных органов Узбекистана...

743. Кроме того, в отношении событий в мае 2005 г. в Андижане Комиссар ООН по Правам Человека сообщал о наличии большого количества убедительных, последовательных и заслуживающих доверия свидетельств о совершении военнослужащими и сотрудниками служб безопасности Узбекистана тяжких нарушений прав человека. Тот факт, что власти отказались от международной проверки событий в Андижане, а также какой-либо независимой экспертизы соответствующих процессуальных производств по указанным событиям, а, кроме того, отсутствие признаваемой международным сообществом версии событий, вызывает серьезную обеспокоенность. Более того, с учетом вышеуказанного, никакого независимого контроля соблюдения прав человека в настоящее время не ведется.

744. В свете вышеизложенного, можно сказать, что существует мало доказательств (в том числе и представленных властями страны), которые могли бы убедить Специального докладчика в существенном сокращении применения пыток с момента его посещения страны в 2002 г. ...»

102 . Верховный комиссар ООН по делам беженцев в Записке по дипломатическим заверениям и международной защите беженцев, опубликованной 10 августа 2006 г., заявил следующее:

«22. В целом, проведение оценки приемлемости дипломатических заверений, если они нацелены на обеспечение того, чтобы вследствие экстрадиции соответствующее лицо не подверглось смертной казни или определенным нарушениям прав на справедливое судебное разбирательство, является действием относительно несложным. В указанных случаях требуемое лицо передается в рамках формальной процедуры, и соблюдение заверений запрашивающим государством возможно контролировать. При том, что эффективного средства правовой защиты в случае несоблюдения заверений для запрашивающего государства или переданного лица не существует, сам факт несоблюдения может быть зафиксирован без особых сложностей, и его необходимо учитывать при оценке надежности указанных заверений в будущем.

23. Иная ситуация возникает в случае наличия для лица после выдачи опасности подвергнуться на территории принимающего государства пыткам или иному жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Отмечалось, что „в отличие от заверений о неприменении смертной казни или производства в военном суде, которые несложно проверить, заверения о неприменении пыток и иного жестокого обращения требуют постоянного внимания со стороны компетентного и независимого штата сотрудников“. Верховный суд Канады рассмотрел данный вопрос в своем решении по делу «Суреш против Канады (Министерство гражданства и иммиграции)» [Sureshv. Canada(MinisterofCitizenshipandImmigration)], сравнивая заверение по делу об опасности пыток с заверением по делу об опасности вынесения смертного приговора, и установил:

„...достаточно сложно чрезмерно полагаться на заверения государства о том, что оно воздержится от пыток в будущем, если такое государство в прошлом применяло незаконные пытки, либо позволяло другим лицам применять пытки на своей территории. Данная сложность увеличивается по делам о применении пыток не только по причине сговора, но также ввиду неспособности государства контролировать поведение своих официальных лиц. Таким образом, необходимо различать заверения в отношении смертного приговора, и заверения в отношении пыток. Первые легче отслеживать, и, в целом они более надежны, чем последние“.

24. В своем отчете перед Генеральной Ассамблеей ООН от 1 сентября 2004 г. Специальный докладчик Комиссии ООН по правам человека по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания рассмотрел вопрос дипломатических заверений в свете обязательств по отказу от принудительного возвращения (non-refoulement), являющихся неотъемлемой частью абсолютного и полного запрета пыток и иных форм жестокого обращения. Отметив, что при определении наличия реальных оснований полагать, что лицо будет находиться в опасности подвергнуться пыткам, необходимо учитывать все относящиеся к указанному вопросу обстоятельства, Специальный докладчик выразил следующее мнение:

„в случае наличия последовательных признаков тяжких, вопиющих или массовых нарушений прав человека либо систематического применения пыток, необходимо строго соблюдать принцип отказа от принудительного возвращения (non-refoulement), не прибегая к дипломатическим заверениям“.

103 . Выдержка от 8 апреля 2011 г. из Отчетов Государственного департамента Соединенных Штатов Америки о соблюдении прав человека в странах мира в 2010 г. относительно Узбекистана гласит следующее:

“Пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания

При том, что конституция и законодательство вышеуказанную практику запрещают, сотрудники правоохранительных органов регулярно избивали и иным образом жестоко обращались с заключенными в целях получения признательных показаний или изобличающей информации. По сообщениям источников, пытки и жестокое обращение были широко распространены в тюрьмах, следственных изоляторах, а также в отделениях милиции и службах безопасности. Сообщалось о таких методах пыток, как жестокое избиение, голод, сексуальное насилие, связывание и подвешивание за руки, а также электрошок. Родственники заключенных сообщали о нескольких случаях врачебных злоупотреблений, в том числе и о продолжающемся принудительном психиатрическом лечении одного лица. Власти сообщали, что в течение первых 6 месяцев года было заведено 226 уголовных дел против 285 сотрудников правоохранительных органов. Из них 75 человек обвинялись в злоупотреблении должностными полномочиями, а 4 — в применении пыток или иных видов жестокого или унижающего достоинство обращения. Остальные дела проходили по неустановленным правонарушениям. В течение первых девяти месяцев года власти уволили и предъявили обвинения в совершении уголовных преступлений 186 сотрудникам правоохранительных органов по неуказанным причинам...

Условия содержания в тюрьмах и следственных изоляторах

В некоторых случаях условия содержания в тюрьмах представляли опасность для жизни. По утверждению должностных лиц, тюрьмы заполнены только на 74 процента, но сообщения о переполненности поступали очень часто, как и сообщения о серьезных злоупотреблениях и нехватке лекарств. Заключенные и их семьи сообщали о наличии еды и воды, хотя и низкокачественных. Поступали сообщения о политических заключенных, содержащихся в камерах, в которых не было надлежащей вентиляции; время от времени заключенные подвергались воздействию чрезвычайно высоких или чрезвычайно низких температур. Родственники заключенных сообщали о случаях сексуального насилия. Также они сообщали, что должностные лица часто приостанавливали или задерживали доставку продовольствия и медикаментов, предназначенных для заключенных.

Кроме того, родственники сообщили о гибели ряда заключенных, отбывавших наказание, большинство из которых были осуждены по обвинениям в религиозном экстремизме. В некоторых случаях родственники сообщали, что на теле заключенного были обнаружены

следы побоев или других видов жестокого обращения, и что власти оказывали на них давление, заставляя хоронить тела без проведения профессионального медицинского освидетельствования...

По утверждениям родственников и некоторых НПО, власти не освобождали заключенных по окончании срока заключения, особенно тех, кто был осужден за религиозный экстремизм. Тюремная администрация часто продляла сроки их заключения, обвиняя их в совершении других преступлений или заявляя, что заключенные представляют угрозу для общества...»

104 . 1 мая 2010 г. «Международная амнистия» опубликовала документ под названием «Узбекистан: обзор текущих проблем в области соблюдения прав человека», в котором сообщалось следующее:

«„Международная амнистия“ считает, что с момента так называемых андижанских событий в мае 2005 г. в Республике Узбекистан произошло серьезное ухудшение ситуации в области прав человека...

Особую тревогу в свете утверждений об усилиях Узбекистана по борьбе с безнаказанностью и пресечению жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения вызывали непрекращающиеся утверждения о применении сотрудниками правоохранительных органов и тюремными охранниками пыток либо других видов жестокого обращения, в том числе сообщения об изнасилованиях заключенных женского пола...

Несмотря на утверждения Узбекистана о значительном сокращении применения пыток, „Международная амнистия“ продолжает получать сообщения о широком распространении пыток и жестокого обращения с задержанными и заключенными.

Согласно этим сообщениям, в большинстве случаев власти не провели безотлагательного, тщательного и беспристрастного расследования утверждений о применении пыток либо других видов жестокого обращения. „Международная амнистия“ обеспокоена торжеством безнаказанности, поскольку привлечение лиц, подозреваемых в применении пыток либо других видов жестокого обращения, к уголовной ответственности остается скорее исключением, чем правилом...

Также поступили утверждения, что лица, возвращенные в Узбекистан из других стран по запросу о выдаче, содержались под стражей с лишением права переписки и общения

(incommunicado), поэтому риск подвергнуться пыткам или другим видам жестокого обращения для них возрастал, как и риск проведения несправедливого судебного разбирательства. К примеру, в 2008 г. гражданин, возвращенный из России в Узбекистан, после несправедливого судебного разбирательства был приговорен к 11 годам лишения свободы. Его родственники сообщили, что по возвращению в Узбекистан его в течение трех месяцев содержали под стражей с лишением права переписки и общения, подвергая пыткам и другим видам жестокого обращения в местах предварительного заключения. Он не имел доступа к выбранному им адвокату, а судья, проводивший разбирательство по делу, признал приемлемыми доказательства, которые, как утверждается, были получены в результате пыток...

Власти продолжали держать религиозные общины под жестким контролем, мешая им осуществлять право на свободу вероисповедания. Наиболее болезненно это отразилось на представителях незарегистрированных групп, таких как конгрегации христиан-евангелистов, а также мусульман, посещавших неподконтрольные государству мечети».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ, КАСАЮЩЕЕСЯ ЭКСТРАДИЦИИ ЗАЯВИТЕЛЯ

105 . На основании статьи 3 Конвенции заявитель жалуется, что в случае экстрадиции в Узбекистан он столкнется с реальной угрозой подвергнуться пыткам и жестокому обращению. Статья 3 предусматривает следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Доводы сторон

106. Власти полагают, что утверждение заявителя о политически мотивированном преследовании было проверено российскими судами при рассмотрении его кассационных жалоб на постановление об экстрадиции и отклонено как необоснованное. Российские суды опирались на заявление Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан об отсутствии какой-либо угрозы жестокого обращения с заявителем в случае его экстрадиции в Узбекистан и на тот факт, что российские власти не располагали информацией, подтверждающей его

утверждение. Ссылаясь на заверения властей Узбекистана, Власти Российской Федерации утверждают, что заявитель не будет подвергнут жестокому обращению или наказанию в нарушение требований статьи 3 Конвенции.

107 . Заявитель настаивает, что он уже сообщал российским судам о том, что он столкнулся с реальной угрозой жестокого обращения и политического преследования в Узбекистане. Он представил доклады организаций, входящих в состав ООН, и международных НПО, посвященных Узбекистану, подтверждающие широкое распространение пыток в местах содержания под стражей, однако российские власти не оценили данную информацию должным образом. Он указывает, что суды отклонили его доводы, не приведя никаких оснований, кроме ссылки на заверения властей Узбекистана. Наконец, он ссылается на ряд дел, рассмотренных Судом, в которых было установлено, что экстрадиция в Узбекистан лиц, разыскиваемых за совершение политических преступлений, является нарушением требований статьи 3.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

108 . Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

109 . Краткий обзор применимых общих принципов, вытекающих из прецедентного права Суда, см. в постановлении по делу «Маматкулов и Аскарлов против Турции» (Mamatkulov and Askarov v. Turkey) ([GC], жалобы № 46827/99 и 46951/99, пункты 66–70, ECHR 2005-I).

110 . Из представленных сторонами материалов следует, что заявитель был задержан и помещен под стражу в России по запросу узбекских властей, которые подозревают его в совершении ряда преступлений, в том числе в попытке свержения конституционного строя и в принадлежности к экстремистским организациям. Российские власти начали производство по

его выдаче. В ходе данного производства заявитель утверждал, что его экстрадиция в Узбекистан подвергнет его угрозе жестокого обращения. Он также подал ходатайство о предоставлении убежища, напомнив о своем опасении подвергнуться пыткам и преследованию по политическим мотивам. Свои доводы он подкрепил докладами, подготовленными организациями, входящими в состав ООН, и международными НПО, в которых описывалось жестокое обращение с заключенными в Узбекистане. Российские власти приняли решение о его экстрадиции в Узбекистан на основании заверений властей Узбекистана.

111 . Задача Суда состоит в том, чтобы установить наличие или отсутствие реальной угрозы жестокого обращения в случае экстрадиции заявителя в Узбекистан. Поскольку он к настоящему времени не экстрадирован по причине указания Суда на применение временной меры в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда, оценка такой опасности будет произведена на дату рассмотрения дела Судом. Следовательно, хотя предшествующие события представляют интерес поскольку могут пролить свет на текущую ситуацию и ее возможное развитие, решающее значение имеют именно текущие обстоятельства (см. постановление Европейского Суда от 15 ноября 1996 г. по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (Chahal v. the United Kingdom), пункт 86, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека (Reports of Judgments and Decisions) 1996-V).

112 . Что касается утверждения заявителя о том, что в Узбекистане заключенные страдают от жестокого обращения, Суд некоторое время назад признавал, что эта общая проблема все еще существует (см., например, постановление Европейского Суда от 29 июля 2010 г. по делу «Каримов против России» (Karimov v. Russia), жалоба № 54219/08, пункты 79–85; постановление Европейского Суда от 24 апреля 2008 г. по делу «Исмоилов и другие против России» (Ismoilov and Others v. Russia), жалоба № 2947/06, пункты 120–121; и постановление Европейского Суда от 11 декабря 2008 г. по делу «Муминов против России» (Muminov v. Russia), жалоба № 42502/06, пункты 93–96). Конкретных доказательств, свидетельствующих о существенных улучшениях в этой области в Узбекистане за последние несколько лет, представлено не было (см. выше пункты 100, 101, 103 и 104). Таким образом, Суд считает, что в Узбекистане жестокое обращение с заключенными является широко распространенной и сохраняющейся проблемой.

113 . Что касается конкретной ситуации заявителя, Суд отмечает, что он обвинялся в совершении ряда политических преступлений. Учитывая тот факт, что в отношении заявителя было вынесено постановление о задержании, вероятнее всего, он будет помещен под стражу сразу после его экстрадиции, и поэтому для него возникнет серьезная угроза жестокого обращения.

114 . Что касается довода Властей о получении заверений от властей Узбекистана, то Суд уже указывал на желательность воздерживаться от ссылок на дипломатические заверения о неприменении пыток того государства, в котором распространены или продолжают применяться пытки (см. вышеупомянутое постановление Большой палаты Европейского Суда по делу «Чahal против Соединенного Королевства» и постановление Европейского Суда по делу «Саади против Италии» (Saadiv. Italy), жалоба № 37201/06, пункты 147–148, ECHR 2008- ...). Учитывая тот факт, что авторитетные международные источники описывают применение пыток в Узбекистане как систематическое, Суд не убежден, что заверения узбекских властей являются надежной гарантией защиты от угрозы жестокого обращения.

115 . Соответственно, принудительное возвращение заявителя в Узбекистан повлечет за собой нарушение требований статьи 3 Конвенции, поскольку заявитель столкнется с серьезной опасностью подвергнуться пыткам или бесчеловечному либо унижающему достоинство обращению. Таким образом, Суд решает подтвердить применение Правила 39 Регламента Суда.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С УСЛОВИЯМИ СОДЕРЖАНИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ ПОД СТРАЖЕЙ

116. На основании статьи 3 Конвенции заявитель жалуется на условия своего содержания под стражей в отделе милиции в марте 2009 г. и в следственном изоляторе ИЗ-47/4 в период с марта по август 2009 г., а также на условия транспортировки в Дзержинский районный суд в марте 2009 г. Ссылаясь на ту же статью, заявитель жалуется на отсутствие медицинской помощи во время содержания под стражей в следственном изоляторе ИЗ-47/4. Статья 3 предусматривает следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Доводы сторон

117 . Власти настаивают, что данная жалоба является неприемлемой в связи с тем, что заявитель не исчерпал внутренние средства правовой защиты. Они указывают, что заявитель не обращался в компетентные государственные органы с жалобами на условия своего содержания под стражей в отделе милиции в марте 2009 г. и в следственном изоляторе ИЗ-47/4. В любом случае, эта жалоба должна быть отклонена как необоснованная, поскольку

условия содержания заявителя под стражей в вышеупомянутых учреждениях и условия его транспортировки в Дзержинский районный суд были совместимы с требованиями статьи 3.

118 . Заявитель настаивает на том, что условия содержания его под стражей в вышеупомянутых учреждениях и условия его транспортировки в здание суда стали причиной его душевных и физических страданий и были равносильны жестокому обращению. Ссылаясь на прецедентное право Суда, он также заявляет, что эффективного внутреннего средства правовой защиты от структурной проблемы плохих условий содержания под стражей в России не существует.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

(а) Жалоба на неоказание медицинской помощи в следственном изоляторе ИЗ-47/4 в период с 7 марта по 14 августа 2009 г.

119 . Суд отмечает, что заявитель не представил никаких доказательств в обоснование своих утверждений о неоказании медицинской помощи. Кроме того, из представленных материалов не следует, что он обращался к администрации изолятора временного содержания с жалобами по этому поводу.

120 . Следовательно, в этой части жалоба заявителя на нарушение требований статьи 3 должна быть отклонена в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

(б) Жалоба на условия транспортировки заявителя в здание суда и условия содержания под стражей в суде

121 . Суд отмечает, что заявитель не представил никаких доказательств в обоснование своих утверждений об условиях транспортировки в здание суда и условиях содержания под стражей в суде.

122 . Следовательно, в этой части жалоба заявителя на нарушение требований статьи 3 должна быть отклонена в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

(в) Жалоба на условия содержания заявителя под стражей в 78-м отделе милиции ОВД по г. Санкт-Петербургу и в следственном изоляторе ИЗ-47/4 г. Санкт-Петербурга

123 . Суд уже изучил на примере нескольких дел аналогичное возражение Властей Российской Федерации о неисчерпании внутренних средств правовой защиты и отклонил его. В частности, в соответствующих делах Суд установил, что Власти не указали, какое возмещение могло быть предоставлено заявителям прокурором, судом или другими государственными органами, с учетом того, что проблемы, связанные с условиями содержания заявителей под стражей, явно имеют структурный характер и касаются не только личной ситуации заявителей (см. решение Европейского Суда от 18 сентября 2001 г. по вопросу приемлемости жалобы «Калашников против России» (Kalashnikovv. Russia), жалоба № 47095/99; решение Европейского Суда от 9 декабря 2004 г. по вопросу приемлемости жалобы «Моисеев против России» (Moiseyevv. Russia), жалоба № 62936/00; и постановление Европейского Суда от 19 июня 2008 г. по делу «Гулиев против России» (Guliyevv. Russia), жалоба № 24650/02, пункт 34).

124 . Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что, несмотря на утверждение Властей об обратном, заявитель безуспешно поднимал вопрос об условиях своего содержания под стражей в государственных органах (см. выше пункт 47). Кроме того, Власти не представили доказательств существования внутреннего средства правовой защиты, посредством которого заявитель мог бы пожаловаться на общие условия своего содержания под стражей, в частности, с учетом структурной проблемы переполненности российских изоляторов временного содержания, или доказательств того, что доступные ему средства правовой защиты были эффективными, то есть могли предотвратить совершение или повторение нарушений, или что посредством таких средств заявитель мог получить соответствующую компенсацию (см. по данному вопросу постановление Европейского Суда от 18 октября 2007 г. по делу «Бабушкин против России» (Babushkinv. Russia), жалоба № 67253/01, пункт 37; и недавнее постановление Европейского Суда от 12 марта 2009 г. по делу «Александр Макаров против России» (AleksandrMakarovv. Russia), жалоба № 15217/07, пункты 82–91). Соответственно, Суд отклоняет возражение Властей о неисчерпании внутренних средств правовой защиты.

125 . Суд считает, что жалобы заявителя на условия содержания под стражей не являются явно необоснованными в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо иным основаниям. Следовательно, они должны быть признаны приемлемыми.

2. Существо жалобы

(а) Условия содержания заявителя под стражей в период с 3 по 7 марта 2009 г. в 78-м отделе милиции ОВД по г. Санкт-Петербургу

(i) Доводы сторон

126 . Власти утверждают, что содержание заявителя под стражей соответствовало требованиям статьи 3 Конвенции. Они заявляют, что сотрудники милиции пытались улучшить условия содержания заявителя под стражей в камере для административно задержанных. Они позволили его родственникам приносить ему еду и разрешили ему использовать туалет, расположенный на территории отдела милиции.

127 . Заявитель утверждал, что он провел несколько дней в ужасных условиях в камере, рассчитанной на пребывание в течение нескольких часов.

(ii) Оценка Суда

128 . Статья 3, как неоднократно отмечал Суд, закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Конвенция категорически запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание, независимо от обстоятельств и поведения потерпевшего (см. постановление Европейского Суда от 20 июля 2004 г. по делу «Балог против Венгрии» (Balogh v. Hungary), жалоба № 47940/99, пункт 44; и постановление Большой палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (Labitav. Italy), жалоба № 26772/95, пункт 119, ECHR 2000-IV). Суд неизменно подчеркивал, что для того, чтобы можно было установить наличие нарушения, перенесенное страдание или унижение должно выходить за пределы неизбежной степени страдания и унижения, связанной с данной формой правомерного обращения или наказания. Меры лишения свободы часто предполагают такой фактор. В соответствии со статьей 3 Конвенции, государство должно гарантировать содержание лица под стражей в условиях, совместимых с уважением его человеческого достоинства, а форма и метод реализации данной меры не должны причинять ему переживания или лишения, интенсивность которых превышает уровень страданий, присущий содержанию под стражей (см. постановление Большой палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (Kudlav. Poland), жалоба № 30210/96, пункты 92–94, ECHR 2000-XI).

129 . Суд отмечает, что он установил нарушение требований статьи 3 Конвенции в деле, в котором заявитель в течение двадцати двух часов содержался под стражей в камере для административно задержанных без еды и питья, не имея неограниченного доступа к туалету (см. постановление Европейского Суда от 25 октября 2005 г по делу «Федотов против России» (Fedotovv. Russia), жалоба № 5140/02, пункт 68).

130 . Что касается указанных фактов, то Суд отмечает, что стороны разошлись во мнениях относительно некоторых условий содержания заявителя под стражей. Однако Суду нет необходимости устанавливать истинность каждого утверждения заявителя, поскольку он может констатировать наличие нарушения требований статьи 3 на основании представленных или не опровергнутых Властями фактов по следующим основаниям.

131 . Камера, в которой заявитель содержался в течение четырех дней, предназначалась для краткосрочного административного задержания на срок не более трех часов. Таким образом, она не только имела крошечную площадь — по утверждению Властей около трех квадратных метров — но и сама ее конструкция не предполагала удобств, необходимых для длительного содержания под стражей. В камере не было туалета или раковины. Она была оборудована лишь скамейкой, а стула, стола и любой другой мебели в ней не было.

132 . Кроме того, Суд считает недопустимым содержание лица под стражей в условиях, не удовлетворяющих его основные потребности (см. постановление Европейского Суда по делу «Риад и Идиаб против Бельгии» (RiadandIdiadv. Belgium), жалобы №№ 29787/03 и 29810/03, пункт 106, ECHR 2008- ... (выдержки)). Даже если признать тот факт, что сотрудники милиции позволили родственникам заявителя приносить ему еду, то очевидно, что их добрая воля не могла возместить отсутствие предметов первой необходимости во время содержания его под стражей.

133 . В настоящем деле отсутствуют доказательства прямого намерения унизить или оскорбить заявителя во время содержания его под стражей. Тем не менее, Суд повторяет, что отсутствие такого намерения не может исключать вывод о наличии нарушения требований статьи 3 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 2 июня 2005 г. по делу «Новоселов против России» (Novoselovv. Russia), жалоба № 66460/01, пункт 45; и постановление Европейского Суда по делу «Пирс против Греции» (Peersv. Greece), жалоба № 28524/95, пункты 70–72, ECHR 2001-III).

134 . Суд считает, что условия содержания под стражей, в которых заявитель был вынужден находиться в течение четырех дней, должны были причинить ему переживания и лишения и вызвать у него чувства тревоги и неполноценности, которые могли унизить и оскорбить его.

Таким образом, имело место нарушение требований статьи 3 Конвенции в связи с бесчеловечными и унижающими достоинство условиями содержания заявителя под стражей в отделе милиции в период с 3 по 7 марта 2009 г.

(б) Условия содержания заявителя под стражей в период с 7 марта по 14 августа 2009 г. в следственном изоляторе ИЗ-47/4 г. Санкт-Петербурга

(i) Доводы сторон

135 . Власти утверждают, что условия содержания заявителя под стражей соответствовали требованиям статьи 3 Конвенции. В частности, Власти подчеркивают, что в каждой из тех камер, в которых содержался заявитель, количество заключенных не превышало количество мест на нарах, и что на протяжении всего срока содержания под стражей заявитель имел достаточно личного пространства.

136 . Заявитель утверждал, что условия содержания его под стражей в следственном изоляторе были ненадлежащими. Его содержали в крайне неудовлетворительных условиях в течение более чем пяти месяцев. Заявитель не оспаривал количество мест на нарах в камерах. Однако он не согласился с утверждениями Властей о количестве заключенных.

(ii) Оценка Суда

137 . Стороны оспаривали реальные условия содержания заявителя под стражей в следственном изоляторе, в частности, размеры отведенного ему личного пространства. По утверждению заявителя, в каждой камере, в которой он содержался под стражей, в среднем размер его личного пространства составлял 2,4 кв. м., поскольку количество заключенных превышало количество мест на нарах. Власти заявили, что количество заключенных не превышало количество мест на нарах, и поэтому в среднем размер имевшегося у заявителя личного пространства составлял не менее 4 кв.м.

138 . Основные характеристики, которые в целом не оспаривались сторонами, — это количество мест на нарах и размеры камер. Однако заявитель утверждал, что количество заключенных в камерах превышало их вместимость, что подтверждается свидетельскими показаниями заключенных, содержавшихся вместе с ним в соответствующий период (см. выше пункт 44). Власти указали точное количество заключенных в камерах, сославшись на копию

регистрационного журнала (см. выше пункт 68), но других доказательств в обоснование своего довода они не представили.

139 . В этой связи Суд отмечает, что в конвенционном производстве, таком как по настоящей жалобе, не во всех случаях следует строго применять принцип *affirmanti incumbit probatio* (тот, кто что-то утверждает, должен доказать свое утверждение), поскольку в некоторых случаях только Власти государства-ответчика имеют доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть такие утверждения. Непредоставление Властями такой информации без удовлетворительного объяснения может привести к выводу об обоснованности утверждений заявителя (см. постановление Европейского Суда от 6 апреля 2004 г. по делу «Ахмет Озкан и другие против Турции» (*Ahmet Özkan and Others v. Turkey*), жалоба № 21689/93, пункт 426).

140 . Принимая во внимание вышеуказанные принципы, а также тот факт, что Власти не представили достаточно подробных и ясных доказательств, подтверждающих сведения о фактическом количестве заключенных в каждой камере, Суд будет рассматривать вопрос о количестве заключенных в камерах на основании утверждений заявителя.

141 . Суд напоминает, что во многих делах, в которых содержавшиеся под стражей заявители имели в своем распоряжении менее трех квадратных метров личного пространства, Суд уже приходил к выводу, что нехватка предоставленного им личного пространства была настолько острой, что сама по себе оправдывала установление нарушения требований статьи 3 Конвенции (см., в том числе, постановление Европейского Суда от 29 марта 2007 г. по делу «Андрей Фролов против России» (*Andrey Frolov v. Russia*), жалоба № 205/02, пункты 50–51; постановление Европейского Суда от 6 декабря 2007 г. по делу «Линд против России» (*Lind v. Russia*), жалоба № 25664/05, пункты 61–63; постановление Европейского Суда от 19 марта 2009 г. по делу «Любименко против России» (*Lyubimenkov. Russia*), жалоба № 6270/06, пункты 58–59; и недавнее постановление Европейского Суда от 24 июня 2010 г. по делу «Велиев против России» (*Veliyev v. Russia*), жалоба № 24202/05, пункты 129–130).

142 . Принимая во внимание свое прецедентное право по данному вопросу и представленные сторонами материалы, Суд отмечает, что Власти не выдвинули никаких фактов или аргументов, способных убедить его прийти к иному выводу в настоящем деле. Хотя в настоящем деле нет указаний на то, что имелось прямое намерение унижить или оскорбить заявителя, Суд находит, что тот факт, что заявитель был вынужден жить, спать и пользоваться туалетом в одной камере с таким большим количеством других заключенных в течение более чем пяти месяцев, сам по себе мог вызвать чувство неполноценности и отчаяния, которое должно было усиливаться в связи с тем, что, как будет продемонстрировано Судом ниже (см. ниже пункт 160), лишение его свободы в этот период не имело законных оснований (см. для сравнения постановление Европейского Суда от 12 июня 2008 г. по делу «Щебет против России» (*Shchebet v. Russia*), жалоба № 16074/07, пункт 95).

143 . Таким образом, имело место нарушение требований статьи 3 Конвенции в связи с бесчеловечными и унижающими достоинство условиями содержания заявителя под стражей в период с 7 марта по 14 августа 2009 г. в следственном изоляторе ИЗ-47/4 г. Санкт-Петербурга.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

144 . На основании подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции заявитель жалуется, что содержание его под стражей до экстрадиции в период с 1 сентября 2008 г. по 2 февраля 2009 г. и с 3 марта по 14 августа 2009 г. было незаконным. В части, имеющей отношение к настоящему делу, пункт 1 статьи 5 предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче».

A. Доводы сторон

145 . Власти заявляют, что 3 сентября 2008 г. Смольнинский районный суд санкционировал содержание заявителя под стражей, и что после получения запроса об экстрадиции 17 октября 2008 г. данный районный суд санкционировал содержание заявителя под стражей с целью экстрадиции.

146 . Кроме того, Власти заявили, что содержание заявителя под стражей в период с 3 марта по 14 августа 2009 г. санкционировалось дважды: во-первых, 2 марта 2009 г. — Андижанским городским судом (в порядке, утвержденном 6 марта 2009 г. Центральной районной прокуратурой), и, во-вторых, 4 марта 2009 г. — Дзержинским районным судом.

147 . Власти настаивают на том, что содержание заявителя под стражей до экстрадиции осуществлялось в соответствии с национальным законодательством, в частности, с положениями части 1 статьи 466 УПК. Ссылаясь на определения Конституционного Суда № 101-О от 4 апреля 2006 г. и № 333-О-П от 1 марта 2007 г., а также на постановление № 22 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 г. (см. выше пункты 90–91 и 94–95), Власти утверждали, что применимые положения были ясными и предсказуемыми и позволяли заявителю оценить вероятную продолжительность содержания под стражей до экстрадиции.

148 . Заявитель не согласился с Властями. Он утверждает, *inter alia*, что оба судебных постановления, вынесенных Смольнинским районным судом (3 сентября 2008 г. и 17 октября 2008 г.), были незаконными, поскольку ни одно из них не предусматривало предельных сроков содержания его под стражей.

149 . Кроме того, заявитель утверждает, что содержание его под стражей в период с 3 марта по 14 августа 2009 г. было незаконным, поскольку единственным основанием для содержания его под стражей в период с 6 марта по 14 августа 2009 г. было постановление прокуратуры, а не российского суда.

150 . Наконец, заявитель утверждает, что положения внутреннего законодательства по вопросу содержания под стражей до экстрадиции не являются достаточно ясными и предсказуемыми.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

151 . Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

152 . Обе стороны признают, что заявитель был заключен под стражу в качестве «лица, в отношении которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче», и что содержание его под стражей регламентируется подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Однако стороны оспаривают тот факт, что содержание заявителя под стражей было «законным» в значении пункта 1 статьи 5 Конвенции.

(а) Содержание заявителя под стражей в период с 1 сентября 2008 г. по 2 февраля 2009 г.

153 . Суд отмечает, что заявитель был задержан 1 сентября 2008 г. Его задержание первоначально было санкционировано Смольнинским районным судом 3 сентября 2008 г. и впоследствии — тем же судом 17 октября 2008 г. Оба постановления содержали ссылки на статьи 108 и 466 УПК. Ни одно из постановлений не предусматривало предельных сроков содержания заявителя под стражей. 2 февраля 2009 г. Смольнинский районный суд освободил заявителя, установив, что содержание его под стражей в период с 1 сентября 2008 г. по 2 февраля 2009 г. было незаконным и необоснованным. Рассмотрев это решение в кассационном порядке, Санкт-Петербургский городской суд оставил его без изменения.

154 . Суд полагает, что нет никаких оснований приходиться к противоположному выводу. С учетом вышесказанного и принимая во внимание свою обширную прецедентную практику по данному вопросу (см., в том числе, постановление Европейского Суда от 11 октября 2007 г. по делу «Насруллоев против России» (Nasrulloevv. Russia), жалоба № 656/06, пункт 77; вышеупомянутое постановление Европейского Суда по делу «Исмоилов и другие против России», пункт 139; и недавнее постановление Европейского Суда от 12 мая 2010 г. по делу «Ходжаев против России» (Khodzhaevv. Russia), жалоба № 52466/08, пункт 141), Суд считает, что этот период содержания заявителя под стражей до экстрадиции не может считаться «законным» по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции.

(б) Содержание заявителя под стражей в период с 3 марта по 14 августа 2009 г.

155 . Суд отмечает, что на момент помещения заявителя под стражу Конституционный Суд Российской Федерации уже установил, что в производстве по делу об экстрадиции право на свободу должно сопровождаться теми же гарантиями, что и в других видах уголовного производства. Конституционный Суд недвусмысленно указал, что применение мер пресечения с целью экстрадиции должно регламентироваться не только статьей 466, но и нормами, касающимися мер пресечения, которые содержатся в главе 13 УПК (см. выше пункт 91).

156 . При таких обстоятельствах Суд считает, что, для того чтобы быть «законным» по смыслу подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, содержание заявителя под стражей должно было быть совместимо не только с требованиями части 2 статьи 466, но и с положениями, регламентирующими применение меры пресечения в виде заключения под стражу, а именно со статьями 108 и 109, которые входят в главу 13 УПК.

157 . Часть 4 статьи 108 УПК прямо предусматривает, что вопрос о заключении под стражу должен решаться судьей районного или соответствующего военного суда в присутствии заинтересованного лица. Из формулировки части 48 статьи 5 и части 2 статьи 31 УПК следует, что районный суд — это суд, уполномоченный действовать на основании УПК, что предполагает, что термин «районный суд» относится к суду, созданному и действующему на основе российского права. Таким образом, судья районного суда — это должностное лицо, уполномоченное осуществлять правосудие на территории Российской Федерации. Ничто в формулировке части 4 статьи 108 УПК не предполагает, что суд иностранного государства может заменить российский районный суд при решении вопроса о заключении лица под стражу.

158 . Как бы то ни было, Суд повторяет, что он уже устанавливал, что внутренние уголовно-процессуальные нормы, касающиеся содержания под стражей до экстрадиции, применяются непоследовательно и взаимоисключающим образом и не ограничиваются адекватными гарантиями защиты от произвола (см., в числе прочих, вышеупомянутое постановление Европейского Суда по делу «Насруллоев против России», пункт 77; вышеупомянутое постановление Европейского Суда по делу «Исмоилов и другие против России», пункт 140; постановление Европейского Суда от 19 июня 2008 г. по делу «Рябкин против России» (Ryabikin v. Russia), жалоба № 8320/04, пункты 127–130; вышеупомянутое постановление Европейского Суда по делу «Каримов против России», пункт 115; и постановление Европейского Суда от 4 ноября 2010 г. по делу «Султанов против России» (Sultanov v. Russia), жалоба № 15303/09, пункт 86).

159 . Что касается применения внутреннего права в настоящем деле, Суд ссылается на факты, изложенные выше в пунктах 25–33, которые со всей ясностью свидетельствуют об отсутствии последовательной процедуры санкционирования содержания под стражей, продления его срока с целью экстрадиции и установления предельных сроков такого содержания под стражей. В частности, представляется, что содержание под стражей было основано на постановлении иностранного суда, и что предельные сроки содержания под стражей не устанавливались. Таким образом, лишение свободы, которому подвергся заявитель, не ограничивалось адекватными гарантиями защиты от произвола. Будучи примененной подобным образом, национальная система не защитила заявителя от произвольного задержания, и по этой причине содержание его под стражей не может считаться «законным» по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции.

160 . Следовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с содержанием заявителя под стражей в период с 3 марта по 14 августа 2009 г.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

161 . На основании пункта 4 статьи 5 Конвенции заявитель утверждает, что у него не было возможности добиться эффективного судебного пересмотра вопроса о содержании его под стражей. В частности, он утверждает, что в своем постановлении от 18 марта 2009 г. Дзержинский районный суд должным образом не изучил основания для его неоднократного содержания под стражей с целью экстрадиции. Пункт 4 статьи 5 предусматривает следующее:

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

162 . Власти утверждают, что жалоба заявителя должна быть отклонена как необоснованная, поскольку он имел возможность добиться пересмотра вопроса о содержании его под стражей. В частности, Власти указывают, что в своем постановлении от 18 марта 2009 г. Дзержинский районный суд рассмотрел жалобу заявителя. Кроме того, в своих решениях от 2 февраля и 25 августа 2009 г. внутригосударственные суды рассмотрели жалобы заявителя и признали, что содержание его под стражей до экстрадиции было незаконным. Власти не представили замечаний по вопросу о безотлагательности судебного рассмотрения жалоб заявителя.

163 . Заявитель не согласился с позицией Властей: он утверждает, что Дзержинский районный суд не рассмотрел его жалобу, в которой он утверждал, что основания для содержания его под стражей были незаконными. Он указывает, что российские суды не провели безотлагательного пересмотра вопроса о законности содержания его под стражей, поскольку его жалоба от 13 мая 2009 г. была рассмотрена с существенной задержкой.

164 . Суд отмечает, что данная жалоба должна быть признана приемлемой. Однако, принимая во внимание вышеуказанный вывод, Суд не считает необходимым рассматривать ее отдельно.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ПУНКТА 2 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

165 . На основании пункта 2 статьи 6 заявитель жалуется, что выпуски новостей от 3 марта 2009 г. представляют собой нарушение принципа презумпции невиновности, поскольку в них он был представлен заведомо виновным в преступлениях, в совершении которых его обвиняли узбекские власти. В части, имеющей отношение к настоящему делу, статья 6 Конвенции предусматривает следующее:

«2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком».

А. Доводы сторон

166 . Власти утверждают, что принцип презумпции невиновности в отношении заявителя нарушен не был, поскольку оспариваемый пресс-релиз Национального бюро Интерпола по г. Санкт-Петербургу всего лишь содержал ссылки на информацию, полученную от узбекских властей, и в нем не говорилось, что заявитель виновен в заявленных преступлениях.

167 . Заявитель настаивает на своей жалобе.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

168 . Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

169 . Суд напоминает, что производство по выдаче подпадает под действие пункта 2 статьи 6 (см. вышеупомянутое постановление Европейского Суда по делу «Исмоилов и другие против России», пункт 164), положения которого, в относящемся к делу аспекте, направлены на предотвращение воспрепятствования справедливому разбирательству по уголовному делу

предвзятыми утверждениями, высказанными в связи с данным производством. Презумпция невиновности, гарантированная пунктом 2 статьи 6 Конвенции, является одним из элементов справедливого судебного разбирательства по уголовному делу, предусмотренного пунктом 1 указанной статьи (см. постановление Европейского Суда от 10 февраля 1995 г. по делу «Аллене де Рибемон против Франции» (Allenet de Ribemont v. France), пункт 35, Series A № 308). Она распространяется, среди прочего, на заявления других должностных лиц относительно неоконченных расследований по уголовным делам, которые подталкивают общественность к мнению о виновности подозреваемого и опережают оценку фактов компетентным органом судебной власти (см. вышеупомянутое постановление Европейского Суда по делу «Аллене де Рибемон против Франции», пункт 41; постановление Европейского Суда по делу «Дактарас против Литвы» (Daktaras v. Lithuania), жалоба № 42095/98, пункты 41–43, ECHR 2000-X; и постановление Европейского Суда по делу «Буткевичус против Литвы» (Butkevicius v. Lithuania), жалоба № 48297/99, пункт 49, ECHR 2002-II).

170 . Суд выработал постоянный подход, согласно которому принцип презумпции невиновности нарушается, если заявление государственного должностного лица в отношении лица, обвиняемого в совершении уголовного преступления, отражает мнение о его виновности до признания его виновным в установленном законом порядке. Для этого достаточно наличия аргументации, намекающей на то, что должностное лицо считает обвиняемого виновным, даже при отсутствии официального заключения. Необходимо провести фундаментальное разграничение между утверждением о том, что кто-либо лишь подозревается в совершении преступления, и однозначным заявлением — в отсутствие вступившего в законную силу обвинительного приговора — о том, что указанное преступление было совершено данным лицом. Суд последовательно подчеркивал важность выбора выражений должностными лицами в тех заявлениях, которые они делают до рассмотрения дела судом и признания лица виновным в совершении конкретного уголовного преступления (см. постановление Европейского Суда от 3 октября 2002 г. по делу «Бемер против Германии» (Böhmerv. Germany), жалоба № 37568/97, пункты 54 и 56; постановление Европейского Суда от 27 февраля 2007 г. по делу «Нештяк против Словакии» (Nešťákv. Slovakia), жалоба № 65559/01, пункты 88-89; и постановление Европейского Суда от 24 мая 2011 г. по делу «Констас против Греции» (Konstasv. Greece), жалоба № 53466/07, пункт 45).

171 . Возвращаясь к фактам настоящего дела, Суд отмечает, что государственный телеканал

[2]

дважды показал новостной репортаж со ссылкой на пресс-службу Главного управления внутренних дел по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, в котором были показаны фотографии заявителя в анфас и профиль, а сам заявитель описывался как «...террорист из Узбекистана... лидер ваххабитского экстремистско-религиозного движения... который разыскивался властями в течение двух лет...». За указанным описанием заявителя следовало

заявление заместителя главы Национального бюро Интерпола по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области; данное должностное лицо утвердительно заявляло о том, что заявитель, «...изучив идеи экстремистского политического движения... создал группу „Халка“ для распространения идей ваххабитского движения, изменения существующего государственного строя в Узбекистане, захвата власти и устранения законно избранных должностных лиц...». Это заявление не ограничивалось описанием положения заявителя до экстрадиции: в нем сообщалось — без всяких оговорок и в качестве установленного факта — что он организовал преступную группу и совершил указанные преступления.

172 . Суд считает, что данное высказывание государственного должностного лица было равносильно заявлению о виновности заявителя и опережало оценку фактов компетентным судебным органом. С учетом того, что в своем интервью заместитель начальника Национального бюро Интерпола представлял правоохранительные органы, он должен был проявить особую осторожность в выборе выражений при описании незавершенного разбирательства по уголовному делу заявителя (см., с необходимыми изменениями (*mutatismutandis*), постановление Европейского Суда от 23 октября 2008 г. по делу «Хужин и другие против России» (*Khuzhin and Others v. Russia*), жалоба № 13470/02, пункты 95–96; и постановление Европейского Суда от 4 марта 2010 г. по делу «Мохов против России» (*Mokhov v. Russia*), жалоба № 28245/04, пункты 31–32). Таким образом, Суд считает, что заявление должностного лица должно было подтолкнуть общественность к мысли о том, что заявитель является преступником, еще до признания его виновным в установленном законом порядке. Соответственно, Суд находит, что имело место нарушение принципа презумпции невиновности в отношении заявителя.

173 . Таким образом, имело место нарушение требований пункта 2 статьи 6 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

174 . Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

175. Заявитель не представил требований о возмещении материального ущерба. Что касается морального вреда, то он утверждал, что в результате повышенной опасности подвергнуться пыткам в случае экстрадиции в Узбекистан и одиннадцати месяцев незаконного содержания под стражей до экстрадиции в ненадлежащих условиях он перенес стресс, испытал чувство отчаяния и страдания. Вопрос о размере компенсации он оставил на усмотрение Суда.

176 . Власти утверждали, что заявитель не имеет права на компенсацию морального вреда.

177 . Производя оценку на справедливой основе, Суд присуждает заявителю 15 000 евро в качестве компенсации морального вреда плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма.

Б. Издержки и расходы

178 . На основании соглашений об уплате гонорара и табелей учета рабочего времени адвокатов заявитель требовал 2 650 евро на оплату услуг своего адвоката О. Цейтлиной, практикующей в г. Санкт-Петербурге, и 1 000 евро на оплату услуг своего адвоката К. Коротеева из Европейского центра защиты прав человека/правозащитного центра «Мемориал». В общей сложности заявитель требовал 3 650 евро за работу, проделанную адвокатами в связи с представлением его интересов в Суде. Кроме того, он требовал 3 944 фунтов стерлингов (приблизительно 4 537 евро) в качестве возмещения затрат на перевод и административных расходов.

179 . Власти утверждали, что заявитель не представил никаких доказательств того, что он действительно произвел указанные платежи, и что их размер был разумным.

180 . В соответствии с прецедентной практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой он доказал, что такие расходы и издержки действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера. В настоящем деле, с учетом имеющихся у него документов и вышеуказанных критериев, Суд считает целесообразным присудить по всем пунктам сумму в размере 5 500 евро, покрывающую все расходы, плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма.

В. Проценты за просрочку платежа

181 . Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной учетной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. Признает допустимыми жалобы заявителя о нарушении требований статьи 3 Конвенции, касающиеся его экстрадиции в Узбекистан и условий содержания его под стражей в 78-м отделе милиции ОВД по г. Санкт-Петербургу и в следственном изоляторе ИЗ-47/4 г. Санкт-Петербурга, и жалобы на нарушения требований пунктов 1 и 4 статьи 5 и пункта 2 статьи 6 Конвенции, а остальную часть жалобы — неприемлемой;

2. Постановляет, что исполнение постановления об экстрадиции заявителя повлечет за собой нарушение требований статьи 3 Конвенции;

3. Решает продлить действие указания, данного Властям в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда, согласно которому в интересах надлежащего проведения судебного разбирательства заявитель не должен быть выслан до тех пор, пока не вступит в силу настоящее постановление;

4. Постановляет, что имело место нарушение требований статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителя под стражей;

5. Постановляет, что имело место нарушение требований пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с содержанием заявителя под стражей до экстрадиции;

6. Постановляет, что нет необходимости в отдельном рассмотрении жалобы заявителя о нарушении требований пункта 4 статьи 5 Конвенции;

7. Постановляет, что имело место нарушение требований пункта 2 статьи 6 Конвенции;

8. Постановляет

(а) что в течение трех месяцев со дня вступления постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, государство-ответчик обязано выплатить следующие суммы в российских рублях по курсу на день выплаты, за исключением оплаты расходов и издержек:

(i) 15 000 евро (пятнадцать тысяч евро) заявителю в качестве компенсации морального вреда, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма;

(ii) 5 500 евро (пять тысяч пятьсот евро), плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, в качестве возмещения издержек и расходов — эта сумма должна быть перечислена на банковский счет представителей заявителя в Соединенном Королевстве;

(б) что по истечении вышеупомянутых трех месяцев на присужденные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной учетной ставки Европейского центрального банка плюс три процента;

9. Отклоняет остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке с направлением письменного уведомления 20 декабря 2011 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен

Секретарь

Нина Вайич

Председатель